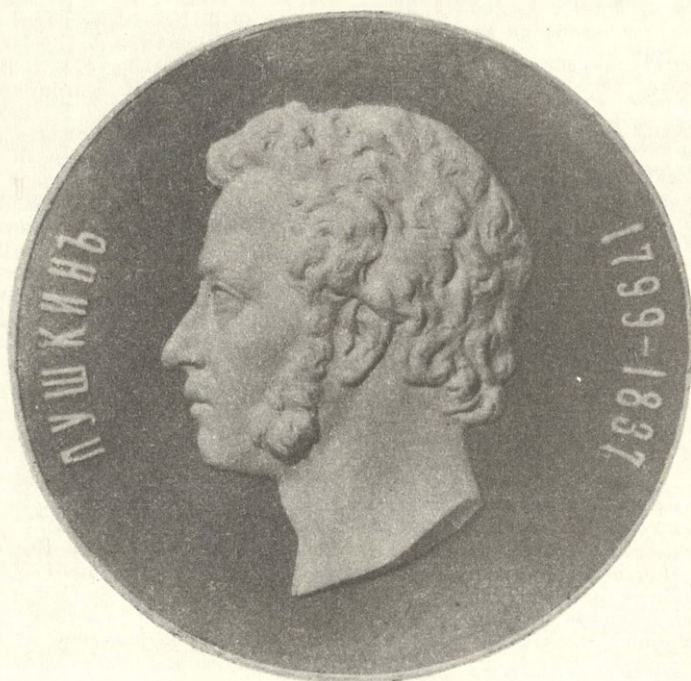

«Не зарастет народная тропа»

*...НИКТО ИЗ ПОЭТОВ НАШИХ
НЕ ВЫШЕ ЕГО
И НЕ МОЖЕТ БОЛЕЕ НАЗЫВАТЬСЯ
НАЦИОНАЛЬНЫМ;
ЭТО ПРАВО
РЕШИТЕЛЬНО ПРИНАДЛЕЖИТ
ЕМУ.*

Н. В. Гоголь

*СЛОВНО ЗЕРКАЛО РУССКОЙ СТИХИИ,
ОТСТОЯВ НАЗНАЧЕНЬЕ СВОЕ,
ОТРАЗИЛ ОН ВСЮ ДУШУ РОССИИ!
И ПОГИБ, ОТРАЖАЯ ЕЕ...*

Н. М. Рубцов

Событию этому суждено было стать новой культурной вехой в сознании поколений. 6 июня 1880 года Россия впервые чествовала в Москве память своего национального гения. Торжественное открытие опекушинского памятника, трехдневные утренние заседания и литературно-музыкальные вечера в зале Благородного собрания, юбилейная выставка, «Пушкинские чтения» в университете и Политехническом музее, общественные манифестации...

«После ряда удушливых в нравственном и политическом смысле лет... вдруг пронеслись струи чистого воздуха — и все постепенно начало оживать. Блестящим проявлением такого оживления был и пушкинский праздник в Москве», — писал выдающийся юрист и общественный деятель А. Ф. Кони.

Свидетельства других участников юбилейных торжеств доносят до нас их волнующую атмосферу:

«...Огромный зал точно улей дышит, гудит и рожочет от толпы в несколько тысяч человек; но вот он мгновенно смолк и притаил дыхание... Перед сценой, украшенной... расписанными подзорами, на которых белеет, среди зелени и лавровых венков, бюст поэта, восседает почетный синедрион заслуженных членов «Общества любителей российской словесности». Среди них и все наши литературные светила: Тургенев, Достоевский, Островский, Аксаков, Писемский, Майков, Полонский... Один за другим всходят они на кафедру, и сколько ума, таланта, знания и остроумия пронесится в живом слове под этими громадными сводами и жадно схватывается внимательной, чуткой и отзывчивой толпой... Вот почему в некоторой доле прав тот публицист, который сказал на днях в своей газете: «Верьте мне на слово — несчастный тот человек, который не был в Москве на пушкинском празднике!»

И если каждому школьнику сегодня известна прославленная речь Достоевского, увенчавшая этот общенациональный праздник, то сейчас уже мало кто знает, что его главным создателем был Лев Иванович Поливанов.

Основатель и директор лучшей московской частной гимназии, вошедшей в историю русской культуры XIX века под названием Поливановской, он преподавал в ней едва ли не десяток гуманитарных предметов. «Великий артист в облике педагога», обладавший удивительным импровизационным даром и совершенным пониманием детской психологии, он оставил образцовые учебные пособия и хрестоматии для народного обучения. Неутомимый просветитель, он был душой знаменитого на всю Москву «Шекспировского кружка», художественным критиком, переводчиком Корнеля, Расина; Мольера и, наконец, тонким исследователем и издателем произведений классиков отечественной литературы, прежде всего Пушкина.

Высокий, худой, стремительный, с откинутой на плечи гривой седых волос, с горящими глазами и львиным рыком, переходившим порой в нежный шепот, одухотворенный до экстаза — таким запомнился современникам этот человек, испепеливший в себе «все сытое, жирное, бытовое». Он поражал воображение, очаровывал одной встречей на всю жизнь. Ученики любили его самозабвенно. А он исподволь, но настойчиво вдушал им в

те «года глухие» веру в мужество и силу человека, задыхаясь, кричал, что диплом — ерунда, коли с ним будет блуждать по миру угасшее сознание.

На заповедной Пречистенке, неподалеку от Zubовской площади, сохранилось обветшавшее, законсервированное в нескончаемом ремонте длинное трехэтажное здание классического стиля с мерной чередой колонн по фасаду. В прошлом веке оно принадлежало генералу Степанову, потом купцу Пегову. Здесь и обосновалась в последний период своего существования поливановская гимназия, почти три десятилетия ковавшая ряды «культурных бойцов». (После революции это здание занимала одно время Академия художественных наук, а до недавних пор в нем помещались детская художественная и музыкальная школы.)

«Поливановцами» с гордостью называли себя замечательные русские актеры Лужский и Садовский, народный артист СССР Ю. Юрьев, поэты В. Брюсов и А. Белый, художник А. Головин, чье истинное призвание Лев Иванович угадал первым и на чей выбор пути оказал решающее влияние. Как и некоторые другие ее выпускники, охотно учительствовали в родной гимназии профессор Л. Лопатин, крупные ученые-филологи и искусствоведы А. Венкстерн, В. Гиацинтов, ставший впоследствии директором Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. В поливановской гимназии учились также дети выдающейся драматической актрисы Г. Федотовой, старшие сыновья Л. Н. Толстого...

Ученичество у Поливанова неизменно выливалось в *сотрудничество* с ним, начинавшееся прямо на уроке. При ответе он требовал рассказывать «не от себя, а от Пушкина, по-пушкински», — писал в своих мемуарах, посвященных гимназии, А. Белый. Ему вторит Л. Л. Толстой: «Кто из нас не помнит, с какой любовью и пониманием Лев Иванович, может быть, в сотый раз в жизни, но все с той же свежестью чувства, читал перед нами стихи Пушкина?.. как он радовался хорошей и осмысленной передаче произведений наших классиков и ценил такие ответы?» Сотрудничество учеников и Учителя продолжалось на традиционных поливановских «субботах», в работе над постановками «Шекспировского кружка» и достигло апогея во время подготовки юбилейных пушкинских торжеств, бремя которой разделили со Львом Ивановичем учащиеся восьмого класса его гимназии.

А. Сливидкий, один из близких знакомых и сотрудников Поливанова, оставил любопытнейшие воспоминания о днях и ночах той страды.

11 апреля Обществом любителей российской словесности была выбрана комиссия по открытию памятника Пушкину и организации празднеств в составе тогдашнего председателя Общества С. А. Юрьева, крупного фольклориста, языковеда и археолога В. Ф. Миллера, известного пушкиниста и археографа П. И. Бартечева, автора фундаментальных историко-социологических исследований М. М. Ковалевского и других видных членов Общества. Председателем юбилейной комиссии единодушно избрали Л. И. Поливанова.

До открытия памятника оставалось чуть больше месяца — оно было назначено на 26

мая, день рождения поэта по старому стилю. Работа же предстояла огромная. Достаточно сказать, что протоколы каждого заседания комиссии заключали до сорока постановлений, к исполнению которых Лев Иванович приступал немедленно, кстати, собственноручно перебеляя эти пухлые протоколы. Только 14 мая пришло разрешение от московского генерал-губернатора князя Долгорукого и министра двора на устройство пушкинской выставки, подписного обеда и литературно-музыкальных вечеров при участии артистов императорских театров.

В те же три дня — с 25 по 28 мая предполагалось провести публичные заседания Общества любителей российской словесности, где должны были произнести речи корифеи тогдашней литературы.

Драматическую часть предстоящих вечеров взял на себя артист И. В. Самарин, музыкальную — Н. Г. Рубинштейн, декоративную и апофеоз — художник К. А. Трутовский. Замысел апофеоза состоял в следующем. В глубине сцены вокруг памятника Пушкину располагались символические фигуры: олицетворение России, сон великих поэтов мира — Анакреон, Гомер, Софокл, Данте, Шекспир, Гете, Байрон, Мицкевич. Справа группировались аллегорические образы пушкинской поэзии. А на просцениуме дети читали сказки Пушкина. Впечатление от апофеоза дополнял хор за сценой, которым дирижировал Рубинштейн.

читать тиражом в сто тысяч экземпляров для бесплатной раздачи народу. Статья Тургенева — речь его на одном из утренних заседаний — оказалась не слишком-то общедоступной, и потому составление брошюры возложили впоследствии на П. Е. Басистова.

Средств, по обыкновению, у Общества не было никаких. Надеялись лишь на доход от вечеров. Пока же Тургенев и Ковалевский дали заимообразно по 200 рублей. Поступили пожертвования от некоторых частных лиц и от городской думы — в размере трех тысяч рублей. Но предварительная смета расходов по организации только одного вечера превысила 4500 руб., включая оплату хора и солистов, услуги декоратора Вальца, фигурантов, стоимость костюмов и бутафории, освещения, афиш, билетов и т. д. Неизбежный дефицит согласилась покрыть городская дума. Кроме того, почетные гости пользовались бесплатными номерами в лучших московских гостиницах.

Ф. М. Достоевский пребывал в Лоскутной. Туда Сливичкому выпало доставить венюк, поднесенный писателю после его памятной речи в Благородном собрании. Они подъехали к гостинице почти одновременно, и Сливичкий вошел в номер вслед за Федором Михайловичем. Тот принял его весьма любезно, предложил присесть, но был бледен, утомлен и крайне взволнован. «Как сейчас вижу, — вспоминает мемуарист, — как он, вертя в руках небольшую тетрадку почтовой бумаги, в

Подпись на рисунке: «Пушкинская выставка в зале Благородного собрания. Открытие памятника Пушкину в Москве 6 июня (с наброска нашего корреспондента Н. Чехова, рисов. Ф. Гапнер)»

Пушкинская выставка въ залъ благороднаго собранія.

Открытие памятника Пушкину, въ Москвѣ, 6-го іюня.

(Съ наброска нашего корреспондента Н. Чехова, рисов. Ф. Гапнеръ).

Одновременно с публичными заседаниями и литературно-музыкальными вечерами решено было устроить во всех пяти тогдашних народных читальнях Москвы чтение общедоступной брошюры о Пушкине. Ее взялся написать Тургенев. Брошюру собирались напе-

которой бегло и не без помарок была набросана только что прочитанная речь, повторял неоднократно: «Чем объяснить такой успех? Никак не ожидал...»

По мере приближения празднеств помощники Льва Ивановича, в том числе Сливичкий,

Подпись
на рисунке:
«Москва.
Открытие
памятника
Пушкину.
Момент снятия
покрова
(с наброска
нашего

корреспондента
Н. Чехова, рисов.
А. Бауман)»

Москва. — Открытие памятника Пушкину. Момент снятия покрова.

Съ наброска нашего корреспондента Н. Чехова, рисов. А. Баумана.

бины души капиталист, переведя дыхание, ответил разом упавшим голосом: «Вам его... сейчас вынесут».

...Даже ночью, валясь с ног от усталости, Поливанов вновь и вновь озабоченно перебирал выставочные богатства, намечал их расстановку, ласкал взглядом. Второй канонический портрет Пушкина кисти Кипренского был доставлен от сына поэта. Еще одно его

прижизненное изображение, привезенное племянником, Анатолием Львовичем, из Болдина. Иконография пушкинских предков. Два легендарных перстня: один — изумрудный — собственность О. В. Демидовой, дочери Даля, другой — сердоликовый, которому Пушкин придавал значение талисмана, принадлежал И. С. Тургеневу. Пуговица от сюртука, снятого со смертельно раненного поэта, — она об-

Вид
на памятник
А. С. Пушкину
на Страстной
площади.
1929 год

наружилась в Демидовском лицее в Ярославле; и сам сюртук, жилет в пятнах засохшей крови. Посмертная маска Пушкина (от Бартенева). В последний момент Тургенев принес еще карандашный портрет Пушкина, унаследованный им от отца. Стояла здесь на стульях и картина «Пушкин в гробу», прибывшая из астафьевского имения Вяземских вместе с увесистой палкой поэта. А дальше, на столе — траурная карточка с извещением о панихиде, рисунок пушкинской могилы, коллекция иллюстраций к поэмам Пушкина из альманахов 20-х годов, автографы пушкинских писем, стихотворений (вклад в выставку А. А. Пушкина и Миллера), первые издания произведений поэта, собиравшиеся по всей России.

И все это нужно было не только найти, выпросить у частных владельцев, доставить с соответствующими предосторожностями, наконец, надлежащим образом оформить на десятках стендов и мольбертов, о которых Лев Иванович тоже, между прочим, хлопотал лично, но и подробно по-научному (или, если угодно, по-музейному) зафиксировать в сводной описи. Перелистайте каталог, альбом фотографий той уникальной экспозиции, большая часть которой, увы, бесследно исчезла, и вы увидите, что ей могут позавидовать ведущие государственные собрания наших дней.

Близилась к концу последние приготовления. По указанию Поливанова один из его добровольных помощников спешил к равнине, чтобы перевести древнюю надпись на перстне-талismane Пушкина, а другой носился по Москве в поисках Веры Александровны Нащокиной, вдовы задушевного друга поэта, не решавшейся хотя бы на короткий срок расстаться с портретом мужа. Посредством Кошелевой и Хомяковых был выужен из неизвестности редкий портрет Гоголя. Радостный и довольный, Лев Иванович уже начал распределять последовательность выступлений ораторов на утренних заседаниях, «выстраивать» участников вечеров, подсчитывая, сколько минут займет исполнение каждого номера, прикидывал и порядок тостов на подписном обеде...

До открытия памятника оставалось четыре дня, когда скончалась императрица Мария Александровна, и из Петербурга последовало высочайшее повеление отложить юбилейные пушкинские торжества на *неопределенное время*.

У организаторов праздника опустили руки.

Отсутствие точной даты перенесенных торжеств вызвало всеобщую неразбериху и нервозность. Новый поток писем и телеграмм захлестнул дом на Пречистенке. «Вьезжать ли?» — вопрошали писатели, артисты, депутаты, почтенные гости. «Извините, на какие дни откладываются празднества?» По ходячим слухам и газетным сообщениям эти дни то и дело менялись. Сначала убежденно говорили, что открытие памятника откладывается на целый год. Затем все настойчивее стали называть 19 октября — лицейскую годовщину, пока не назначили окончательную дату — 6 июня.

Теперь вновь пришлось рассылать в разные концы бездну почтовых и телеграфных извещений, которые, тем не менее, не устранили возникшую тревогу. Все были как-то взвинчены и раздражены.

«Как вы еще только на ногах держи-

тесь?» — спрашивали Поливанова. «Вы думаете, я устал? — отвечал он. — Так я вам скажу: никогда я столь бодро и легко не даю уроков, как в то время, когда весь поглощен другой работой. А ведь случается, идешь в класс почти не спавши ночью... Погодите, — усталость, а с ней и тоска еще появятся. Они являются после того, как сбудишь любимое дело, а другим еще не успел увлечься».

«Любимое дело» пушкинского юбилея захватывало для Льва Ивановича также художественную, драматическую и музыкальную часть готовившихся вечеров. Правда, ответственность за них несли Трутовский, Самарин и Рубинштейн, но ведь не следует забывать, кто сумел привлечь таких распорядителей и какие порой невероятные задания давались Поливанову, например, тем же Рубинштейном.

«Ну-с, милостивые государи, каков будет вечерок? — потирал руки Лев Иванович. — Пожалуй, не доставшие билетов сломают стены Собрания и силой ворвутся в него? Ха-ха-ха!.. А ведь в самом деле? Я и вообразить не могу, что бы со мной было, если бы я не попал на такой вечер».

Пребывая все эти недели в неустанном горении, Лев Иванович на самих торжествах старался держаться в тени, его беспримерная скромность вошла в пословицу. Но благодарная Москва, а с ней Россия узнали и хорошо запомнили, что вынес на своих плечах все тяготы устройства первого, блистательно удавшегося пушкинского праздника.

...Минует семь лет. «Мне Общество Словесности назначило читать в публичном торжественном заседании 1 февраля (в 1 ч. дня, в актовом зале университета)... Моей речью открывается заседание, на которое рвется публика самого ответственного разбора... я уже хотел бежать (то есть отказаться), — не сделал этого вовремя, теперь корабли сожжены. Поджилки у меня трясутся и жду своей неминуемой гибели... Помолитесь за меня. Ужасно страшно. Речь только сейчас окончил и не имею духу ее перечитать...» И это пишет человек, удостоенный двух высших академических премий и золотой медали Академии наук за работы о Пушкине.

А пока, 6 июня 1880 года «с десяти часов утра густые толпы народа и многочисленные экипажи стали стекаться к площади Страстного монастыря... Колихались разноцветные значки и знамена различных корпораций, обществ и учреждений; вокруг площадки памятника на шестах поставлены были белые щиты, на которых золотом вытиснены были названия произведений великого поэта; Тверской бульвар был украшен гирляндами живой зелени, перекинутой над дорожками... Народ покупает у торговцев массу ландышей и фиалок и закидывает ими пьедестал памятника... К вечеру зажигается иллюминация...»

Как только заканчивалась программа очередного дня, организаторы юбилейных торжеств торопились на Пречистенку и в кабинете Льва Ивановича до рассвета делились впечатлениями. И еще годы спустя стоило на поливановских «субботах» завести речь о тех незабываемых пушкинских и предпушкинских днях, все вдруг разом встрепенулся, и воспоминаниям не было конца...

Ю. И. Осипов, журналист